

Магистранты профессора Лазаря Гульковича в Тартуском университете.

Tatyana Schor (Tartu)

После обстоятельных публикаций о профессоре Лазаре Гульковиче (Левин 2000: 245–252) и Урмаса Ныммика (Nõmmik 2005: 351–372; 2006: 1–42) довольно трудно добавить какие-то новые источники к изучению тартуского периода жизни замечательного ученого–иудаиста. Все же попытаемся внести некоторые неизвестные штрихи для характеристики феномена живой интеллектуальной атмосферы еврейской культуры и науки в Тарту в 1930-е годы, в центре которой, несомненно, стояла харизматическая фигура профессора Лазаря Гульковича. Один из его учеников Исидор Левин, чудом уцелевший, благодаря бескорыстной помощи Уку Мазинга и его супруги¹, писал о нем: «Этому глубокому еврейскому мыслителю и ученому было отмерено только 42 года жизни. Зерна, которые он с надеждой заронил в души молодежи из Латвии, не дали здесь урожая» (Levin 2000: 251).

Думается, что в данном случае глубоко почитаемый мною профессор Левин не совсем прав, и его собственная, пусть далеко не простая, судьба – тому яркий пример. Помимо выдающейся фигуры Исидора Левина, у профессора Гульковича были и другие достойные последователи, усвоившие философско-историческую концепцию развития понятий в языке своего наставника, оставившие след в иудаике и смежных дисциплинах.² Среди учеников профессора Гульковича лейпцигского периода были не только такие известные ученые, как Карл Дрейер (Karl Dreyer) и Бернгард Исаак (Bernhard Isaak), но также Рудольф Мейер (Rudolf Meyer), Маргарете Лампе-

¹ В личном деле Исидора Левина с его слов сказано, что из-за болезни он не смог эвакуироваться и нелегально до января 1942 года жил в Абья в Пярнумаа, откуда переправился в Печоры. Там 16 марта его арестовала Печорская политическая полиция, и Левин Тартуский концентрационный лагерь, а затем в Таллиннскую центральную тюрьму. Оттуда 20 апреля 1944 года Левина вывезли в Германию в лагерь Studhof. Из лагеря Левин был освобожден советскими солдатами 8 марта 1945 года (Архив Тартуского университета (= АТУ 15/54, Д. 28. Л.30).

² Продуктивность философско-исторический подход к развития понятий в языке для филологов и лингвистов отмечали профессор Ветхого завета и семитских языков, директор археологического университетского музея Александр Бульмеринк (Alexander Bulmerincq, 1868–1938) и профессор индоевропейского языкознания Эрнст Кикерс (Ernst Kieckers, 1882–1938): “Durch die breite Basis, auf die sich die Arbeit aufbaut, nimmt diese innerhalb der heutigen Hebraistik, genauer Darstellungen der Geschichte einzelner Begriffe und Wortformen eine ganz singuläre Stellung ein, ja sie könnte direct als mustergültiges Vorbild für ähnliche Untersuchungen gelten.” (ИАЭ 2100–2–164, 26; ср.: Nõmmik 2006: 14).

Вильгельмсон (Margarete Lampe-Wilhelmson), Вернер Мюллер (Werner Müller), Пауль Конради (Paul Conradi) и Георг Арфман (Georg Arfmann) (ЕНА 2100–2–164, 11–12; Nõmmik 2006: 15). В течение 1936–1940 гг. в Тартуском университете при философском факультете сдавали докторские экзамены по еврейским наукам ряд выпускников различных высших школ Европы, в том числе из Семинара еврейской теологии университета в Бреслау (Seminar für Jüdische Theologie zu Universität Breslau) и из Берлинского Раввинского семинара (Rabbiner-Seminar zu Berlin). (ИАЭ 2100–19–161: 55, 95, 122). Уже в начальный период работы профессора Гульковича в Эстонии в 1937 г. студент-экстерн Михаэль Циглер (Moses Ziegler) первым получил докторскую степень по еврейским наукам при Тартуском университете, представив работу “Das Targum Scheni nach südarabischen Handschriften” (Ziegler 1937).³ Из других студентов Тартуского университета назовем здесь доктора университета Индиана профессора Эмануэля Ноделя, автора часто цитируемых книг “Estonia: Nation on the Anvil” (N.Y. 1964. 207 p.) и “Narrow Escapes: The Story of a Survivor in Satlin's Russia (1987)”,⁴ первого эстонского магистра по еврейским наукам Абе Либмана, первую женщину-магистра иудаики Дину Михельсон и латышского подданного магистра иудаики Кальмана Хиршмана.

В письме 1936 года профессор Гулькович так сформулировал свое научное *credo*: «Die strenge Wissenschaftlichkeit ist ja in einer so jungen Disziplin wie der jüdischen Wissenschaft besonders unerlässlich. Es ist schon in Leipzig immer mein Bestreben gewesen, in meinen Schülern das Gefühl für ihre Verantwortung zu erwecken. Ich betrachte die jüdische Wissenschaft als eine organische Ganzheit, bei deren Studium wenig damit getan ist, wenn dieses oder jene einzelne Werk durchstudiert wird. Ich lasse meine Schüler auch jahrelang arbeiten, ehe ich ihnen eigene Spezialuntersuchungen erlaube. Zu meiner Freude hat sich immer wieder

³ Nõmmik 2006: 29. В своей диссертации Циглер анализировал арабские тексты знаменитого мидраша *Таргум шени*, которые он обнаружил и опубликовал в приложениях к своей диссертации. Ср.: Targum Scheni zu Ester / Übersetzung, Kommentar und theologische Deutung von Beate Ego. Tübingen, 1996. Verlag/Jahr: MOHR 1996. XV, 383 S.

⁴ Dr. Emanuel Nodel (1919 Vilnius, Lithuania – 1996 Kalamazoo, St. Michigan USA). В июле 1941 года Э. Нодель успел эвакуироваться в Казахстан на станцию Аягуз, где проживал до весны 1945 года. Уже с конца декабря 1944 года он стал хлопотать о восстановлении в Тартуский университет, но переписка с проректором по учебным делам Х. Хабрманом ничего не дала. В конце концов, ему удалось эмигрировать из СССР. В 1955 г. Нодель защитил при университете Индиана свою докторскую диссертацию по новейшей русской истории. Долгое время он был преподавателем, а затем профессором Мичиганского университета (Western Michigan University, 1961–1988). Последние годы своей жизни он провел в Каламазоо (Kalamazoo), где возглавлял местную Еврейскую федерацию (ЕАА 2100–1–10176: 20–29; АА 1994 III: 321).

ein kleiner Kreis gefunden, der diesen entsagungsvollen Weg gehen will»
(Рукописный отдел Научной библиотеки Тартуского университета (=РО НБТУ 47–1–3).

Ко времени прибытия Гульковича в Тарту местная еврейская община насчитывала 920 членов,⁵ в университете училось 96 студентов-евреев, в городе имелась прекрасная синагога, еврейский клуб, две школы, свои академические кружки и общества (Gurin 1936: 11; 95; Amitan–Wilensky 1971: 346-347). Несмотря на то, что число евреев в Тарту неуклонно сокращалось, в слушателях и учениках недостатка не было. В течение 1934–1940 гг. в число студентов кафедры еврейских наук записался 21 человек, среди которых было шесть женщин. Все студенты, за исключением Марии Лампе-Вильхельмсон, были иудейской конфессии, большинство их них прибыло из Латвии (13), но также и Литвы (2), Германии (2) и Польши (1) (Lindroos 1998: 183–184). Хотя факультет нашел полезным основание иудаистского семинара уже в мае 1935 года, официально о нем было объявлено в ноябре 1936 года, и с января 1937 профессор Гулькович, наряду с многочисленными преподавательскими обязанностями, начал руководить научной работой студентов в семинаре (Tü loengute 1937, I, 39). На самом деле у нас есть свидетельства о существовании иудаистского семинара еще осенью 1934 года. В нем участвовали все желающие, в том числе и не студенты. На заседаниях было заслушано шесть

⁵ По переписи 1922 года в Тарту было 1115 евреев, студентов – 135. Под председательством директора местного кооперативного банка И. Л. Кропмана работал Еврейский клуб им. И. Л. Переца, расположившийся на первом этаже красивого здания по Карловой улице (теперь улица Калеви – Т. III.), объединивший «Еврейский демократический клуб» и «Еврейское общественное собрание» и насчитывающий до 250 членов. В клубе был театральный зал и библиотека, носящая имя доктора Эйгеса, подарившим свою личную библиотеку (ок. 3000 томов) еврейской общине. Помещения общины предоставлялись студенческим еврейским обществам и спортивному обществу "Маккаби". Здесь же выступал любительский драматический кружок, образованный в 1917 г. при "Еврейском демократическом клубе", который давал в течение года 2–3 спектакля. Тартуский клуб был местом, где все могли высказаться и осознать свои национальные устремления. Выступления М. де Шалита "Настоящее положение Палестины", Л. Яффе, приезд в Эстонию незадолго до смерти еврейского поэта Х.Н. Бялика и, наконец, основание кафедры еврейских наук способствовали формированию национального самосознания эстонских евреев и как национального меньшинства, и как части единого еврейского народа, который в Эстонии получал опыт самостоятельного культурного развития. Эстонский историк Сирье Кивимяэ высказывает следующую гипотезу, относительно причин толерантности государственной эстонской политики в отношении евреев: «Warum unterstützte die estnische Regierung und konkret Päts die Zionisten? Man erklärt das als politischen Schachzug: Als die Zionisten die jüdische Jugend in Estland für die zukünftige Leben in Palästina vorbereiten wollen, ergriffen die Jiddischisten Partei für sozialistische und liberale Gruppen. Eher ist der Grund jedoch in der allgemeinen englischen Orientierung der estnischen politischen Führung zu suchen. Sicher sahen manche gern, dass die Juden auswanderten» (Kivimäe 2005: 151). По-видимому, эта политика себя оправдывала, так как, например, число евреев в университете, начиная с 1926 года (188 студентов-евреев) уменьшилось к 1934 году в два раза именно из-за оттока молодежи в Палестину (Gurin 1936: 95).

докладов и лекций профессора Гульковича, профессора сравнительного фольклора В. Андерсона, докторанта Р. Мейера, теолога-семитиста Уку Мазинга, *can. jur.* Лео Мильденберга и д-р Носсона Генса (Nõmmik 2006:24–25). Под занавес двухмесячного семинара прозвучала лекция д-ра Н. Генса с символическим названием «К истории евреев в Тарту» “*Zur Geschichte der Juden in Tartu*” (ИАЭ 2100–2–164, 64–77; Nõmmik 25–25). Семинар и кафедра еврейских наук при философском факультете преследовали одни и те же цели, предполагая углубленное комплексное изучение дисциплин, непосредственно связанных с гебраистикой. К тому же семинар давал возможность формирования специальной библиотеки, и иметь дополнительное штатное место ассистента. Уроженец приграничного эстонско-латвийского города Валга Абе Либман, приехавший в Тарту изучать еврейские науки, был первым официально назначенным ассистентом семинара, вступившим в должность 20 декабря 1937 г. До этого в 1934 году по просьбе Л. Гульковича ему ассистировал прибывший вместе с ним из Германии юрист Лео Мильденберг (ЕНА 2100–5–321: 42; ЕНА 2100–1–321).⁶ Позднее некоторые студенты добровольно и бесплатно принимали участие в организации деятельности еврейского семинара. Назовем здесь, например, Маргарету Лампе-Вильхельмсон или выходца из Литвы, латышского подданного и писателя Г. Порты (Gilel(s) Josel(is) Port(s), ИАЭ 2100–1–11846; ИАЭ 2100–1–18342)⁷. Маргарете Лампе-Вильхельмсон, уроженец Курляндии Абрам Закс (Abram Itschok Zaks (Zakss)) и учитель местной еврейской школы, сын тартуского раби, юрист по образованию Абрам Мостовский были последними студентами, которым было разрешено сдавать экзамены по еврейским наукам и семитистике профессору Гульковичу в марте 1941 года, хотя кафедра еврейских наук к этому времени уже была официально закрыта. (ИАЭ 2100–2–164, 140; ИАЭ 2100–1–18342; ИАЭ 2100–1–18806, ИАЭ 2100–1–9399).

⁶ Со второго семестра 1940 года Лео Мильденберг был принят в штат университета на место преподавателя немецкого языка. Уже после закрытия кафедры иудаики он просил Совет историко-филологического факультета разрешить сдать оставшиеся экзамены Л. Гульковичу и О. Лооритсу, чтобы окончить полный курс. Это было разрешено, но сведений о том, удалось ли ему эти экзамены выдержать, не сохранилось. Приказом ректора от 10 июля 1941 Лео Мильденберг, Дина Михельсон и лектор славянских языков Леопольд Зильберштейн были уволены из состава университета. Двое последних к этому времени, по-видимому, уже покоились в траншее под Тарту, Лео Мильденбергу удалось спастись. (ИАЭ 2100–1–9240: 45, 46; ИАЭ 2100–15–1: 5; Gurin-Loov 1994: 6, 191, 195).

⁷ Урмас Ныммик в своей статье пишет фамилию *H. J. Port*, в публикации о студентах Тартуского университета на основании документов личных дел студентов дается форма *Ports*, как в его латышском паспорте. Ср.: Nõmmik 25–26 АА 1994, III : 322).

Междисциплинарные научные интересы профессора Гульковича в области философии языка, истории и филологии имели свое влияние на выбор научных тем и семинарских работ студентов. Фундаментальный труд Гульковича, вышедший в Тарту в 1936 году, *Zur Grundlegung einer begriffsgeschichtlichen Methode in der Sprachwissenschaft* явился методологической основой большинства диссертаций, выполненных под его руководством (ИАЭ 2100–2–164:20; Nõmmik 2006:14, 35). Семинаристы, помимо традиционных форм учебы (лекции, практикумы, рефераты), участвовали в тематических конкурсах на лучшие научные работы. Темы и призовые суммы объявлялись в начале каждого семестра. Из конкурсной работы вышла первая магистерская диссертация по еврейским наукам на эстонском языке. В 1937 году по объявленной тартуской еврейской общиной теме по истории формирования еврейской общины в Эстонии первого места удостоился Абе Либман (Abe Liebmann (Abi [Abby, Abram] Libmanis [Liebman, Libmann] 1914 Walk – 1990 Tallinn). Конкурсную работу «Исторические и культурные предпосылки возникновения и развития еврейской общины в Эстонии» Либман чуть позже представил как магистерскую, а в 1946 г. ее зачислили как советскую кандидатскую диссертацию.

То, что первой конкурсной и магистерской темой оказалась история местной еврейской общины было далеко не случайно. Весной 1927 года из тартуской типографии Р. Зельмановича вышла книга студента-юриста Тартуского университета Копла Иоктона под названием «Di gešichte fun di idn in Estland». Благодаря переводу Мовши Михельсона на эстонский язык и переизданию в 1992 году, она до сих пор является одним из основных источников о начальном периоде жизни еврейских обществ в Эстонии (Jokton 1992: 55–56). Книга состояла из 18 глав, в которых отразились основные вехи долгого пути создания эстонской еврейской общины: от первых упоминаний о евреях в Эстонии до законного провозглашения еврейского культурного самоуправления в 1926 году (Ariste-Berg 1927: 411–413). Особая ценность труда Иоктона состояла в том, что в нем использовались интервью с непосредственными участниками процесса становления еврейства в Эстонии в конце 19 – начале 20 вв. В период подготовки еврейской культурной автономии в 1919–1926 гг. автор был в гуще всех событий и имел непосредственный доступ ко всем еврейским источникам, будучи секретарем в еврейском

культурном совете (Шор 2003: 411–412). Ко времени появления Гульковича в Тарту, книга Иоктона уже не удовлетворяла местное еврейское общество, а именно оттуда исходила идея конкурсной темы и солидное вознаграждение победителю (100 крон) (Tü loengute kava 1937: 5).

Ученик профессора Гульковича Абе Либман расширил и углубил эту тему в своем конкурсном труде по истории евреев в Эстонии «Ajaloolised ja kultuurilised eeldused juudi koguduse tekkimiseks ja arenemiseks Eestis» (Liebmann 1937: 3–7).⁸ Решающим методологическим приемом, который Либман подчеркнул из только что опубликованной работы Гульковича «Zur Grundlegung einer begriffsgeschichtlichen Methode in der Sprachwissenschaft», было понимание языка как проявления истории культурного развития народа. С этой точки зрения он проанализировал понятия *диаспора*, *община* (эст. „kogudus“) и *национальное меньшинство* (Liebman 1937: 10, 58ff).⁹ Существенно то, что Либман попытался подойти к истории возникновения эстонской еврейской общины в контексте истории Эстонии (H. Kruus 1917;

⁸ Отметим, что в "Эстонской энциклопедии" заслуги А. Либмана отмечаются только в области истории Эстонской компартии и профсоюзов, оставляя в стороне его труд по истории еврейской общины (EE 2000: 242).

⁹ *Daß überhaupt eine von der Volkssprache verschiedene Literatursprache entstehen kann und entstehen muß, ist darin begründet, daß jede Explikation eines Begriffes oder einer Begriffsgruppe mit einer Durchbildung und Verfeinerung des sprachlichen Ausdrucks identisch ist und daß die Explikation einzelner Begriffe und Begriffsgruppen nicht Sache aller Träger einer Kultur zu sein pflegt, sondern immer nur von einzelnen soziologischen Gruppen geleistet ist. Wenn auch die Spannung zwischen der neu durchgebildeten sprachlichen Ausdrucksform und dem allgemeinen Sprachgut der betreffenden Kultur, zwischen dem neu explizierten Begriff und allgemeinen Gedankengut der betreffenden Kultur immer wieder ausgeglichen wird, so schafft doch die immer wieder eintretende Explikation neuer Begriffe stets neue Spannungen. Der endgültige Ausgleich kann also erst dann erfolgen, wenn innerhalb einer Kultur keine Begriffe mehr expliziert werden, wenn also die schöpferische Kraft der betreffenden Kulturerlöschen ist. In diesem Sinne ist Literatursprache nicht etwa die Kultursprache *vát' εζοχήν*, sondern sowohl Volks- als Literatursprache sind Spiegel und Träger für die Geschichte der betreffenden Kultur* (Gulkowitsch 1937 : 119. Перевод: То, что вообще различные литературные языки могут и должны возникать из народных языков, обосновывает то, что каждое толкование понятия или группы понятий соотносится с преобразованием и усовершенствованием языкового выражения, и что толкование отдельных понятий и групп понятий обычно присуще не для всех носителей культуры, а всегда определяется отдельными социологическими группами. Даже если бы напряжение между вновь образованной языковой формой выражения стиралось бы при включении его в общий языковой запас соответствующей культуры, в языке всегда возникают и остаются новые напряжения между по-новому объясненным понятием и общим богатством мыслей соответствующей культуры, снова и снова возникающие при толковании новых понятий. Окончательное уравнивание может происходить только тогда, когда в пределах данной культуры никакие понятия больше не объясняются, это означает, что творческая сила соответствующей культуры уничтожена. В этом смысле литературный язык есть не только отражение языка и литературы всего народа, но является зеркалом истории соответствующей культуры). Ср. : «Выше мы упоминали, что главным трудом Гульковича остается почти 300-страничная работа *Zur Grundlegung einer begriffsgeschichtlichen Methode in der Sprachwissenschaft* (1937), в которой он определил общую концепцию отдельных исследований, причем до известной степени даже вне спроектированной им общей концепции его методологическая основа претендует на определенную монополию в подобного рода исследованиях. /.../ В подтексте всех работ Гульковича теоретические основы его метода приобретали конкретное очертание (Nõmmik 2006: 35. Перев. с нем. авт. – Т. Ш.).

Kruus 1927; Kruus 1928; Kruus 1932: 5), находя некоторое сходство менталитета обоих народов в их стремлении к переселению и свободе.¹⁰ Создание независимого малого эстонского государства и признание им легитимности культурной автономии евреев было как бы прологом и репетицией к провозглашению их собственной государственности. В трактовке всемирной истории евреев автор, не без влияния работ Г. Гретца, С. Дубнова, Ф. Кана и, разумеется, своего наставника проф. Л. Гульковича, придерживался диалектического принципа, исследуя не только сами события, но условия и предпосылки, их определяющие. По замыслу Либмана, предполагалось создание синтетической истории евреев Эстонии в событийной и духовной сферах, оказавшихся в период фашизации Европы на короткий срок в центре интеллектуальной жизни еврейства (Liebmann 1937:3). Либман считал, что сущность иудаизма можно передать посредством их истории и сформулировал это таким образом: «При описании истории евреев ясно определяются две противоположные тенденции: одна на отделение и децентрализацию, а вторая к единению и централизацию. Обе тенденции и историческая, и метафизическая только по видимости противоречат друг другу. Они обе всегда едины в своем действии, и только так возможно объяснить общую историю евреев. Это всегда должен учитывать историк, пытающийся рассмотреть ее в целом. Этой проблемы я уже коснулся прежде. В этой связи история евреев Эстонии представляет собой важный элемент всеобщей истории евреев в обоих смыслах, т. е. историческом и метафизическом» (Liebman 1937: 62–63. Перев. с эст. авт. – Т.Ш.).

Практически осуществляя свою установку на диалектическое рассмотрение событий в историческом и бытийном планах в диаспоре и в целом, Либман трактует историю возникновения еврейской общины в Эстонии с учетом позиции двух авторов К. Иоктона (юридический подход) и Н. Генса (религиозный подход) (Liebman 1937: 43–48).¹¹ Отметим, что в диссертации Либман, помимо историософских и традиционных историографических

¹⁰ В 1936–1938 гг. Либман сдавал курс эстонской истории в объеме низшей ступени профессорам Х. Круусу, Р. Халисте и П. Тарвелу. Просеминар по истории народа Израиля в семинаре читал А. Бульмеринк (ИАЭ 2100–1–7681, 50, 51),

¹¹ Генс писал: „Das Gründungsjahr der jetzigen (Revalschen – Т. Ш.) Gemeinde kann ungefähr auf das Jahr 1830 zurückgeführt werden.“ (Genss 1933:13). Иоктон, признавая наличие еврейского сообщества в эти годы, начинает историю таллиннской общины с момента ее официального провозглашения в 1856 году (Jokton 1992: 9).

дискурсов, широко использовал результаты самостоятельных архивных разысканий. Известно, что он много работал в эстонских архивах и в Риге, а также знакомился с «Пинкусами» (хрониками) еврейских обществ (ИАЭ 2100–1–7681, 16). Свою историю евреев Эстонии Либман довел до середины 1930–х гг., попытавшись осветить современное политическое и культурное положение евреев Эстонии, останавливаясь на таких проблемах, как сионизм среди молодежи, «война языков» в общинах, развитие студенческих организаций после провозглашения культурной автономии. Кроме того, он провел сравнительный анализ положения евреев Эстонии, Латвии и Литве. Поскольку эти проблемы до Либмана практически в литературе не освещались, то следует признать, что это наиболее ценная, но в то же время и наиболее слабо выполненная часть магистерской работы. Судя по приложенной к работе библиографии, ему были известны основные труды по истории и социологии евреев, и он близко к сердцу принимал споры вокруг культурной автономии и положения еврейства в мире, но Либману явно не хватало исторической дистанции для адекватной оценки происходящих событий. В 1938 году он дополнил свое исследование конкурсной работой «Профессиональная история евреев в Эстонии, исходя из экономических причин и идейных оснований», также отмеченной наградой. Как отмечали рецензенты профессор Гулькович и адъюнкт-профессор Хендрик Сепп, главная слабость магистерского труда Либмана заключалась в том, что заявленный автором во введении новый научный метод исследования истории евреев выдерживался автором далеко не всегда (ИАЭ 2100–1–7681, 61). Все же это была первая попытка написать историю евреев Эстонии на эстонском языке и таким образом вписать ее в эстонскую историографию. Поскольку эстонский научный язык в этот период сам находился в стадии становления, автор не всегда справлялся с языковыми трудностями, переводя дословно с иврита, идиша или немецкого языков. Разумеется, диссертация в таком виде не могла быть издана типографски.

За работу "Ajaloolised ja kultuurilised eeldused juudi koguduse tekkimiseks ja arenemiseks Eestis " решением правления Тартуского университета от 2 июня 1939 г. Абе Либману была присвоена ученая степень магистра по еврейским наукам. Оба рецензента профессор Гулькович и академик, специалист по экономической истории Эстонии Генрик Сепп (Hendrik Sepp) единодушно оценили работу высшим баллом (ИАЭ 2100–1–7681, 59). В послевоенный

период А. Либман, вернувшись в Эстонию из СССР после окончания высшей партийной школы, ревизовал свою юношескую работу с точки зрения „марксизма-ленинизма-сталинизма“ (т.е. с «классовых позиций»), и представил ее в ученый совет Тартуского университета как кандидатскую работу (Liebman 1946: 3–21). По иронии судьбы марксистско-ленинская критика собственного труда и осознание эклектичности философского осмысления истории евреев в Эстонии не помогли Либману избежать гонений за запретную тему. Уже в 1951 г. он был разжалован с места заведующего кафедрой республиканской партийной школы и до 1956 г. работал диспетчером на фанерно-мебельной фабрике (ФГАЭ 14–4–76). Правда, Либман написал и защитил новую кандидатскую и затем и докторскую диссертации, но теперь уже по истории Эстонской коммунистической партии. В дальнейшем он занимался исключительно историей рабочего движения, оставив национальные проблемы евреев как "пережиток буржуазного прошлого" для будущих исследователей. Если оставить в стороне вполне в духе времени выполненную критическую часть (Liebmann 1946), не имеющую связи с собственно историей евреев в Эстонии, а лишь идеологически интерпретирующей определенные исторические события, то работа Либмана в фактическом ракурсе остается актуальной и до настоящего времени.

Судьба другой любимой ученицы Гульковича талантливой Дины Михельсон (Michelsohn) особенно трагична (Shor 2001:19–20; Nõmmik: 27). Она родилась в семье агента Рижской мануфактурной фабрики Абрахама Михельсона в 1907 году. После окончания Рижской немецкой средней школы (Städtische deutsche Mittelschule zu Riga) Д. Михельсон поступила в Рижский Еврейский педагогический институт, где проучилась до 1927 г., а затем продолжила образование на философском факультете Гамбургского университета. В *curriculum vitae* она писала, что в Гамбургском университете она изучала семитские языки, в особенности арабский. Среди тогдашних преподавателей университета были такие известные ученые, как В. Штротман (Werner Strothmann, ориенталистика), профессор Э. Кассирер (Ernst Cassirer, философия), профессор В. Штерн (William Stern, психология), лектор Проппер (русская литература), профессор Д. Панкочелли-Кальция (Giulio Panconcelli-Calzia, экспериментальная фонетика) и др. (ИАЭ 2100–2–648, Bl. 2). С приходом к власти Гитлера Д. Михельсон, как Л. Мильденберг и многие другие

студенты-евреи, была вынуждена покинуть Германию. Но жажда учиться способной девушки была так велика, что уже в 1935 г. мы видим ее в числе студентов кафедры еврейских наук Тартуского университета под руководством профессора Л. Гульковича.¹²

За пять лет учебы Дина Михельсон прослушала полный курс еврейских наук, в том числе: еврейскую грамматику, интерпретацию библейских арамейских текстов из гаонской литературы, избранные источники еврейской истории и литературы, историю еврейской традиции, историю еврейской литературы, т. е. полный цикл лекций профессора Гульковича. Еврейский язык и историю народа Израиля преподавал профессор А. Бульмеринк; античную филологию – профессор В. Фрейман (Freymann); философский просеминар вел профессор Альфред Коорт, просеминар по методам исследования фольклора – профессор В. Андерсон и практикум по психологии – профессор К. Рамуль. Д. Михельсон с 1935 по 1938 год экзаменовалась у Гульковича и в целом сдала 51 экзамен и зачет по основному курсу, из них 21 на «отлично» с общим зачетом на «отлично», в том числе, по арабскому, еврейскому, арамейскому и испанскому языкам и литературе, талмуду и библейской литературе (ИАЭ 2100–1–9166, 51–56).

25 мая 1939 года Дине Михельсон было выдано удостоверение в том, что на философском факультете Тартуского университета она выдержала предварительные экзамены по латинскому и немецкому языку, сдала экзамен низшей ступени – по философии (4), средней ступени – по эстонскому и сравнительному фольклору (5), семитским языкам (5) и высшей ступени – по еврейским наукам (5) (ИАЭ 2100–1–9166, ВІ. 29, 62).

За год Дина Михельсон подготовила магистерскую работу “ה' שלח» im A[lten] T[estament], sprachgeschichtlich untersucht” и блестяще ее защитила. Также как и историческое исследование Либмана, методологически работа Д. Михельсон покоилась на исторических основах исследования понятий в языке,

¹² 6 ноября 1934 года Д. Михельсон обратилась в Министерство образования ЭР с просьбой разрешить поступить в Тартуский университет на только что открывшуюся в Тартуском университете специальность иудаика. Хотя прием в университет уже был окончен, ей в экстренном порядке при поддержке Министерства образования разрешили посещать лекции. 5 февраля 1935 года ей было выдано имматрикуляционное удостоверение (ИАЭ 2100–1–9166, ВІ. 14–16). Уже в сентябре следующего года Д. Михельсон сдала экзамен по эстонскому языку в объеме первого иностранного языка гимназического курса (Государственный архив Эстонии (= ГАЭ) 3224–1–860, 1–6)

разработанном Л. Гульковичем. В центре внимания оказалась синтаксическая единица *šālah jāḏ* → (Hand), которую магистрантка исследовала во всех возможных грамматических и смысловых позициях в тексте Ветхого завета аналитически¹³ и синтетически.¹⁴ Рецензировали работу проф. Гулькович и адъюнкт-профессор Уку Мазинг. Оба рецензента сошлись на том, что Д. Михельсон глубоко проникла в тему и смогла продемонстрировать на этом примере сущность и особенность иврита в исторической перспективе. Гулькович писал, что работа оставляет солидное впечатление, специальные таблицы, в которые были занесены все случаи употребления выражения в разных грамматических и синтаксических вариантах, составлены хорошо и филологический анализ проведен практически безупречно. Единственным недостатком работы Гулькович считал ее несовершенное техническое оформление, но этого, замечал рецензент, и нельзя требовать от начинающего ученого (ИАЭ 2100–1–9166, 68).

Уку Мазинг, солидаризуясь с Гульковичем, отмечал, что автор, на его взгляд, недостаточно обратил внимание на психологический фактор. Он писал: *Психология языка, возможно, очень субъективистская дисциплина, но мне кажется, что в данном случае прослеживается нечто такое: термин šālah jāḏ показывает, что „Hand“ являлся первоначально отдельной от человека частью и при его посредстве «направленный» субъект получал какую-то связь с вещью, с которой на самом деле он не мог быть связан, так как она была из другой сферы. Далее психологическое рассуждение могло бы быть плодотворным при рассмотрении проблемы сингулярности и дуальности понятия „Hand“. Как нам кажется, употребление „Hand“ как части, принадлежащей телу человека, началось уже в более поздние времена и поэтому, естественно, использовалась дуальность, но в древние времена, когда „Hand“ являлось психофизической возможностью человеческого выражения, а не органом в нашем понимании, можно было спокойно и правильно использовать сингуляр* (ИАЭ 2100–1–9166, 69).¹⁵

¹³ Deutung des Bestandes. – Morphologie des Ausdrucks. – Syntaktisches Verhältnis von – Numerus der „Hand“ – Suffigierung von „Hand“ – Suffixloses und numerusloses „ṭ“ – Gebrauch der Accusativartikel (Michelsohn 1939: 2).

¹⁴ Bedeutung, Leben und Lebensdauer von ṭ (Michelsohn 1939: 2–3).

¹⁵ «Keelepsykoloogia on ehk väga subjektivistlik ala, mille tundub aga, et võiks järeldada umbes taolist: termin šālah jāḏ näitab, et „käsi“ on kujuteldus algselt kuidagi inimesest erineva osana, mille varal „lakitamise“ subjekt saab mingi yhenduse asjaga, millega tal õigupoolest ei tohiks olla yhendust, sest see on kuidagi teisest

Еще до утверждения магистерской работы в правлении университета в заседании кафедры 7 сентября 1940 г. Дине Михельсон была утверждена тема докторской работы.

Однако судьбе было угодно сделать так, что блестяще защищенная магистерская работа Дины Михельсон оказалась не нужной, так как летом 1940 г. кафедра еврейских наук была упразднена, а еврейские школы закрыты. Молодая женщина была вынуждена преподавать русский язык в университете, чтобы как-нибудь прожить. С приходом в Эстонию немецкой армии Д. Михельсон вместе со всеми тартускими евреями была определена в гетто, где трагически погибла летом 1941 г.

Наконец, третья магистерская работа Кальмана Гиршмана¹⁶ «Das Große Synedrion: eine historisch-genetische Studie» была представлена к защите 4 апреля и защищена 26 апреля 1940 года. В отличие от двух предыдущих, она в своей исторической части не несла в себе чего-либо нового, но представляла собой на хорошем профессиональном уровне составленный реферат. Все же во введении и в ней в духе историко-понятийного метода был проанализирован термин *Synedrion* в различных языковых и историческом аспектах, в числе прочего сущность использования названия «синедрион» в талмудическо-мидрашской литературе (Girschmann 1940: 3–4). Рецензенты профессор гулькович и адъюнкт.профессор К Вильхельмсон сочли сочинение К. Гиршмана удовлетворительным для работы магистерского уровня (ЕНА 2100–1–2935: 65).

Подведем некоторые итоги. В Тарту Гулькович достиг вершины своей академической карьеры: он один за другим выпускал оригинальные труды, он был единственным профессором иудаистики на всем европейском пространстве (Wassermann 1998 :7). Из всего «органического единства еврейских наук» в Тарту профессор Гулькович и его ученики оставили след лишь в нескольких отраслях, конкретно в области философии и истории языка,

sfäärist. Samuti oleks psühholoogiline arutlemine võinud olla viljakas ka singulaarse või duaalse „käe“ probleemi arutlemisel. Tundub nagu oleks hilisemal ajal hakatud „kätt“ selles väljendis juba võtma inimesele kuuluva kehaosana ja sellepärast loomulikult kasutama duali, aga varem al ajal, mil „käsi“ oli psüühilis-füüsiline inimese väljendumisvõimalus ja mitte organ meie mõttes, võidi rahulikult ja õieti kasutada singulaari.»
– Перев. с эст. авт. – Т. III.

¹⁶ Hirschmann (Hiršmanis) Kalmann (Kalmans), 1915 Воронеж, Черниговская губ., Украина; подданный Латвии из Лиепай. Изучал в Тартуском университете еврейские науки при философском факультете в 1934–1939 гг. Окончил курс *cum laude* в 1939 году, *mag.phil.* 1940. (ИАЭ 2100–1–2935, АА 1994 III: 179).

культуры и истории. За какие-то пять лет руководимые профессором Гульковичем кафедра еврейских наук и семинар при Тартуском университете осуществили свои практические и научные функции, предусмотренные при их основании. Надежды Берлинского комитета друзей кафедры иудаистики при Тартуском университете «об образовании здесь нового плодотворного культурного ареала, особенно в деле изучения древнееврейской культуры» в весьма короткий срок полностью оправдались.¹⁷

Источники и литература

Отдел рукописей Научной библиотеки Тартуского университета =
ОР НБТУ Ф. 47 Личный фонд профессора Лазаря Гульковича, оп. 1, д. 3.
Исторический архив Эстонии = ИАЭ
ИАЭ 2100–1–2935 Kalmann Hirschmann
ИАЭ 2100–1–7681 Abe Liebmann (Libmanis, Liebman)
ИАЭ 2100–1–9166 Dina Michelsohn
ИАЭ 2100–1–9170 Gedalie Michelson
ИАЭ 2100–1–9240 Leo Mildenberg
ИАЭ 2100–1–9399 Abram Mostovsky
ИАЭ 2100–1–10176 Emanuel Nodel
ИАЭ 2100–1–11846 Gilels Joselis Port(s)
ИАЭ 2100–1–18342 Maria Wilhelmson (Lampe)
ИАЭ 2100–1–18806 Abram Zaks (Zakss)
ИАЭ 2100–2–164 Lazar Gulkowitsch
ИАЭ 2100–2–648 Dina Michelson
ИАЭ 2100–2–658 Leo Mildenberg
ИАЭ 2100–2с–176 Dina Michelson
ИАЭ 2100–5–325 Кафедра еврейских наук при философском факультете Тартуского университета 1930–1940.
ИАЭ 2100–15–1 Книга приказов ректора 1941–1944
ИАЭ 2100–19–27 Akademische Gesellschaft zur Forschung der jüdischen Geschichte und Literatur an der Universität Tartu 1920–1941
ИАЭ 2100–19–159 Judaistika Seminar 1936–1937

¹⁷ ИАЭ ЕНА 2100–19–158, 82; полный текст письма Берлинского комитета см.: Nõmmik 2005: 367.

ИАЭ 2100–19–160 Студенческая касса студентов-евреев 1920–1939

ИАЭ 2100–19–161 Докторатура кафедры иудаситики при Тартуском университете, 1936–1938.

ИАЭ 2111–1–6876 Lazar Gulkowitsch

ИАЭ 2111–1– 8754 Abe Liebmann

Государственный архив Эстонии = ГАЭ

ГАЭ 3224–1–860 Dina Michelsohn

ГАЭ 675–12–314 Abe Liebmann

Филиал Государственного архива Эстонии = ФГАЭ

ФГАЭ 14–4–76 Abe Liebmann

Архив Тартуского университета = АТУ Оп. 15/54, Д. 28 Isidor Levin.

Album Academicum 1994 – *Album Academicum Universitatis Tartuensis* 1918–1944. I–III. Tartu

Ariste-Berg 1927 – *Ariste-Berg, P.* Jokton, K.: Juutide ajalugu Eestis. Tartu, 1927. R. Selmanovitschi trükk. 100 lk. // Eesti Kirjandus. Nr. 7. 411–413.

EE 2000 – Liebman, Abe // Eesti Elulood. Eesti Entsüklopeedia 14. Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus. 668 lk.

Genss 1933 – *Genss, Nosson.* Zur Geschichte der Juden Eesti. I. Die Revaler Synagoge im Zusammenhang mit der Geschichte der Juden in Reval. Tartu, 1933.

Genss, Nosson. Bibliograafia judaica Eestis. Tallinn, 1937. 56 S.

Gurin 1936: Juudi vähemus rahvuse statistika Eestis 24.III.1935 / Koost. S. Gurin. Tallinn : Juudi Kultuurvalitsus, (Tallinn : B. Beilinson). 124, XLIX lk.

Gulkowitsch 1937 Gulkowitsch, Lazar. Zur Grundlegung einer begriffsgeschichtlichen Methode in der Sprachwissenschaft. Tartu, 298 S. (Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis. B XLI)

Gurin 1936 – Juudi vähemusrahvuse statistika Eestis 24.III.1935 / Koost. S. Gurin. Tallinn.

Hirschmann 1940 Das Grosse Synedron : eine historisch-genetische Studie. [Tartu Ülikool]. Magistritöö. 63 S. Maschinenschrift.

Jokton 1992 – *Jokton, Kopl.* Juutide ajaloost Eestis / Tõlk. ja koost. Movša Michelson. Tartu.

Kivimäe 2005 – *Kivimäe, Sirje.* Esten, Deutsche und Juden in der Zwischenkriegszeit in Estland: Verhalten und Beziehungen // Der ethnische Wandel

im Baltikum zwischen 1850-1950 : neun Beiträge zum 13. Baltischen Seminar 2001 / herausgegeben von Heinrich Wittram. Lüneburg : Verlag Carl-Schirren-Gesellschaft. 236 S.

Kruus 1917 – Kruus, Hans. Rahvusautonoomia. Tartu : Eesti Üliõpilaste Poliitilist Kihutustööd Korraldav Toimekond, 1917. 40 lk. (Poliitiline kirjastik ; nr. 6).

Kruus 1927 – Kruus, Hans. Eesti ajalugu kõige uuemal ajal. I, Eesti rahvusliku ärkamiseni. Tartu : Loodus. 176 lk.

Kruus 1928 – Kruus, Hans. Eesti ajalugu kõige uuemal ajal. II, Eesti rahvusliku ärkamiseni. Tartu : Loodus. 186 lk.

Kruus 1932 – Kruus, Hans. Grundriss der Geschichte des estnischen Volkes. Tartu : Akadeemiline Kooperatiiv. 247 lk.

Levin 2000 – Левин, Исидор. Лазарь Гулькович – профессор иудаики в Лейпциге и Тарту // Евреи в меняющемся мире. III. Мат–лы 3-й международной конференции Рига, 25-27 октября 1999. Рига, 2000, 245–251.

Liebman 1937 – Liebman, Abe. Ajaloolised ja kultuurilised eeldused juudi koguduse tekkimiseks ja arenemiseks Eestis. Tartu, 1937. 156 S. [Машинопись].

Liebmann 1946 – Liebmann, Abe. Kriitilised parandused oma 1937.a. kirjutatud töös "Ajaloolised ja kultuurilised eeldused juudi koguduste tekkimiseks ja arenemiseks Eestis", leiduvate väärseisukohtade ja valehinnangute revideerimise kohta / A. Liebmann. Tartu. 21 S. Maschinenschrift.

Michelsohn 1940 – Michelsohn, Dina. [Šalah jad] im AT, sprachgeschichtlich untersucht. /; Magistritöö : Tartu Ülikool, 37 S. Ms.

Nõmmik 2005 – Nõmmik, Urmas. Lazar Gulkowitsch und das Seminar für jüdische Wissenschaft an der Universität Tartu (Dorpat) I // Judaica. Beiträge zum Verstehen des Judentums. 2005. Heft 4, 351–372.

Nõmmik 2006 – Nõmmik, Urmas. Lazar Gulkowitsch und das Seminar für jüdische Wissenschaft an der Universität Tartu (Dorpat). II Judaica. Beiträge zum Verstehen des Judentums. Heft 1, 1–42.

Schor 2001 – Шор Т. Еврейки в Тартуском университете (1918-1940) // Proceedings of the Eight Annual International Interdisciplinary Conference on Jewish Studies. Part 1. = Материалы Восьмой Ежегодной Междисциплинарной конференции по иудаике. Часть 1. Вып. 8. Moscow, 2001, p. 96–107.

Schor 2003 – *Шор Т.* Еврейская историография в Эстонии (1927–1940) //
Proceeding of the Tenth Annual International Interdisciplinary Conference on Jewish
Studies. Part 1. Moscow, 403–421.

Ziegler 1937 –Ziegler, Mosche. Das Targum Scheni nach südarabischen
Handschriften : Inaugural-Dissertation / Hohen Philosophischen Fakultät der
Universität Tartu. 119 S. Maschinenschrift.